

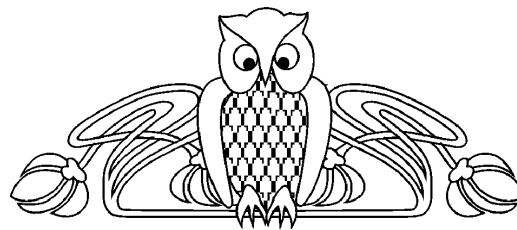

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 61–70
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 61–70
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-61-70>, EDN: ZTOURK

Научная статья
УДК 323.269.6(735.7)|1822|+929Визи

Заговор Денмарка Визи: причины и предпосылки

А. А. Шумаков

Тульский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Россия, 300000, г. Тула, пр. Ленина, д. 53

Шумаков Андрей Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин, takamori@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-6232>, Author ID: 1040139

Аннотация. В статье рассматривается одно из самых знаковых событий афроамериканской истории – Чарлстонский заговор рабов 1822 г. Акцентируется внимание на анализе причин и предпосылок указанного события, которые разделяются на 5 групп (политические, социокультурные, социально-экономические, демографические и личные). Формулируется вывод о невозможности отнесения заговора Денмарка Визи к типичным восстаниям рабов на Юге США. Источниковой базой исследования послужили материалы судебного разбирательства, свидетельства и газетные публикации того времени.

Ключевые слова: Денмарк Визи, Габриэль Проссер, Гаитянская революция, рабство, аболиционизм, методизм, Африканская методистская епископальная церковь (АМЕ), Чарлстонский заговор рабов 1822 г., Заговор Денмарка Визи, восстания рабов, афроамериканская история (Black History)

Для цитирования: Шумаков А. А. Заговор Денмарка Визи: причины и предпосылки // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 61–70. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-61-70>, EDN: ZTOURK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The conspiracy of Denmark Vesey: Causes and prerequisites

A. A. Shumakov

Tula Branch of the Plekhanov Russian University of Economics, 53 Lenin Ave., Tula 300000, Russia

Andrey A. Shumakov, takamori@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4184-6232>, Author ID: 1040139

Abstract. This article considers one of the most significant events in African–American history – the Charleston slave Conspiracy of 1822. The author focuses on the causes and prerequisites of this phenomenon, which are divided into 5 groups (political, socio-cultural, socio-economic, demographic and personal motives). Subjecting each of them to a critical analysis, he comes to the conclusion that it is impossible to attribute the Denmark Vesey conspiracy to typical slave uprisings. The source base of the research is the materials of the trial, testimonies and newspaper publications of that time.

Keywords: Denmark Vesey, Gabriel Prosser, Haitian Revolution, slavery, abolitionism, methodism, African Methodist Episcopal Church (AME), Charleston Slave Conspiracy of 1822, Denmark Vesey conspiracy, slave revolts, Black History

For citation: Shumakov A. A. The conspiracy of Denmark Vesey: Causes and prerequisites. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 1, pp. 61–70 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-61-70>, EDN: ZTOURK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 2022 г. исполнилось 200 лет с момента раскрытия знаменитого заговора рабов под предводительством Денмарка Визи, считающегося одним из ключевых событий в афроамериканской истории. Согласно материалам дела в ночь на 16 июня 1822 г. несколько тысяч чернокожих невольников планировали захватить крупнейший центр Трансатлантической работоторговли – Чарлстон, а затем – после разграбления города

и расправы над местными жителями – покинуть пределы США и отправиться на Гаити. Однако в результате доноса раба Джона Уилсона – Джорджа, который предупредил своего господина за 2 дня до выступления, замысел был раскрыт. Власти Чарлстона в лице интенданта Джеймса Гамильтона и губернатора Томаса Беннета поспешили принять меры по недопущению мятежа. В частности, в срочном порядке было создано

ополчение, усилены патрули и охрана наиболее важных объектов, общественное оружие собрано в городском арсенале. Почти сразу начались задержания и дознания предполагаемых организаторов и участников восстания, и вскоре все лидеры повстанцев оказались на скамье подсудимых.

Всего по делу Денмарка Визи был арестован 131 чел., из которых 35 – казнены, 2 – умерли в заключении, 37 – проданы за пределами штата, 3 – подвергнуты порке, 23 – оправданы, 1 – оправдан при условии, что навсегда покинет пределы Южной Каролины, 30 – освобождены до суда.

Весть о раскрытии столь грандиозного и дерзкого заговора вызвала небывалый резонанс в американском обществе, впервые осознавшем свою уязвимость перед массовым вооруженным выступлением со стороны чернокожих невольников. В отличие от несостоявшегося Вирджинского восстания 1800 г. под предводительством Габриэля дело Денмарка Визи получило широкую огласку и имело заметные последствия как во внутренней, так и во внешней политике США.

Можно сказать, что широкий общественный резонанс, вызванный событиями 200-летней давности, не утихает и по сей день, провоцируя ожесточенные споры в академической среде и не только. Так, например, громким скандалом обернулась дискуссия по поводу установки памятника Денмарку Визи в Чарлстоне, продолжавшаяся почти четверть века [1]. Еще более знаковыми являются постоянные споры ведущих американских историков по вопросу: имел ли вообще место сам факт подготовки восстания или все же речь идет о масштабной фальсификации?

За последующие с момента событий два столетия вышло несколько десятков исследований, посвященных теме рабского заговора 1822 г. Среди них можно выделить работы Дугласа Эгертона [2], Роберта Пакетта [3], Томаса Хиггинсона [4], Джона Лофтона [5], Дэвида Робертсона [6], Эдварда Пирсона [7], Ричарда Уэйда [8], Майкла Джонсона [9], Лейси Форда [10] и Джеймса О'Нила Спейди [11]. Все перечисленные авторы пытались разобраться в непростых перипетиях тех событий и дать им оценку. Отдельное место в этом списке занимает труд «Дело Денмарка Визи: документальная история» [12] под редакцией американских профессоров Д. Эгертона и Р. Пакетта, который представляет собой «исчерпывающий перечень документов» по указанному заговору. Именно он будет использоваться в данной работе в качестве основной базы.

Однако, несмотря на столь высокий интерес к указанной теме, не теряющей свою актуальность, можно констатировать, что до настоящего момента исследователи, как правило, обходили вниманием проблему анализа причин и предпосылок, зачастую ограничиваясь лишь общей информацией и предысторией заговора 1822 г.

А между тем этот вопрос имеет принципиальное значение, так как позволяет понять саму природу рассматриваемого явления.

В указанной работе автор пытается восполнить данный пробел и предложить собственную типологизацию причин и предпосылок Чарлстонского заговора рабов. Цель исследования состоит в установлении каузальных связей с событиями 1822 г. и выявлении истинной мотивации участников готовящегося вооруженного выступления.

Как и в случае с Вирджинским заговором Габриэля 1800 г., в американской историографии принято выделять минимум 3 знаковых события, в той или иной мере повлиявших на складывание условий для массового восстания рабов на Юге США и в определенной степени даже служивших наглядным примером для жаждущих освобождения невольников. Речь, конечно же, идет об Американской, Великой Французской и Гаитянской революциях.

Эти события обычно рассматриваются как важнейшие триггеры и катализаторы, запустившие и ускорившие социально-политические процессы в конце XVIII – первой трети XIX в., которые в числе прочего приведут к подъему негритянского освободительного движения в США. Их прямым следствием стала серия попыток организации массовых вооруженных выступлений рабов, таких как: Вирджинские заговоры 1800 г.¹ и 1802 г., восстание на Немецком побережье 1811 г., Чарлстонский заговор 1822 г. и Вирджинское восстание 1831 г. Все эти события, несомненно, имеют во многом схожие политические предпосылки, но в то же время и ряд существенных отличий, которые необходимо учитывать при обобщении и выявлении аналогий. Например, при проведении параллелей с Вирджинским заговором Габриэля нужно понимать, что к 1822 г. внешне- и внутривнутриполитическая ситуация в США заметно изменилась, и прежние стимулы и идеи утратили былую привлекательность для большей части негритянской общины. Если Гаитянская революция по-прежнему воспринималась значительным количеством рабов и аболиционистов как поистине эпохальное событие, открывшее путь к освобождению, то в отношении Американской и Великой Французской революций их мнение было уже не столь однозначным. Это можно наблюдать на примере изменения аболиционистской риторики.

В рассуждениях Денмарка Визи и его ближайших соратников подобная динамика также нашла свое отражение. С одной стороны, идеи организатора несостоявшегося мятежа отмечены явной идеализацией общественно-политического режима на Гаити, с другой – не менее явным разочарованием в идеалах Американской и Великой Французской революций, а также в общественно-политическом устройстве указанных стран.

В материалах дела сохранилось немало свидетельств о том, что лидер заговора и его

ближайшие сподвижники постоянно обращались к опыту своих карибских собратьев, побуждая соплеменников к вооруженному выступлению. К примеру, участник мятежа Джесси Блэквуд признавался, что Визи часто призывал их быть «единными и мужественными как жители Сан-Доминго» [12, р. 178], а, обсуждая сценарий восстания, настаивал на необходимости поголовного истребления всех белых, так как «именно этот план был воплощен на Гаити». В официальном отчете и в стенограмме судебного заседания сохранились показания свидетелей на судебных процессах над Джеком Причардом и Роллой Беннетом, из которых следует, что верхушка повстанцев всерьез рассчитывала на поддержку своего выступления со стороны черных собратьев с Сан-Доминго и побережья Африки, обещанную якобы самим Денмарком Визи [12, р. 162–164, 287]. По мнению автора, речь, скорее всего, шла просто о побуждении рабов к выступлению, а под «собратьями из Сан-Доминго и Африки» вполне могли подразумеваться и местные рабы соответствующего происхождения.

Вообще многое в показаниях свидетелей указывает на то, что карибский остров был выбран местом нового прибежища не случайно. Визи внимательно следил за происходящим на Сан-Доминго, используя это едва ли не как основной аргумент в своих аболиционистских «проповедях». Участник заговора мулат Джек Перселл заявлял: «Если бы не хитрость этого старого злодея Визи, я бы не оказался сейчас в таком положении. Он использовал все уловки, чтобы убедить меня присоединиться к нему. В частности, у него была привычка читать мне все отрывки из газет, касающиеся Сан-Доминго, и, по-видимому, всех брошюр, попадавших ему в руки, которые имели хоть какое-то отношение к рабству» [12, р. 214].

Примечательно, что Визи был не одинок в восхвалении режима Жана-Пьера Буайе, являвшегося на тот момент президентом островного государства. Его ближайшие сподвижники также постоянно апеллировали к опыту гаитянских рабов, которые успешно боролись против белых угнетателей. Например, один из «лейтенантов» Визи Мондэй Гелл, по словам Смарта Андерсона, призывал восстать и сражаться с белыми по примеру жителей Сан-Доминго [12, р. 301]. В то же время сам Гелл в своих признаниях утверждал, что по просьбе Саби Гаилларда читал статью о сражении Жана-Пьера Буайе с испанцами, чтобы проникнуться идеей восстания [12, р. 220].

В показаниях также встречаются сведения о непосредственных попытках Визи установить связи с правительством Гаити. Мондэй Гелл в своих признательных показаниях отмечал, что являлся непосредственным свидетелем передачи письма некому повару Уильяму, чей дядя должен был доставить его на Гаити и передать лично в руки президенту Буайе [12, р. 335].

Любопытно, что издания New Orleans Louisiana Gazette и Salem Gazette называли инициатором подобного рода дипломатических сношений самого Мондэя Гелла [12, р. 486, 498]. При этом совершенно неизвестно о какой-либо ответной реакции со стороны гаитянского правительства.

Как бы то ни было, можно с абсолютной уверенностью утверждать, что Гаитянская революция выступала в роли главного побудительного фактора для организаторов заговора, а сам остров рассматривался как надежное прибежище для восставших рабов. Причем подобная связь просматривается гораздо более отчетливо, чем во время Вирджинского заговора 1800 г., организаторы которого находились под сильным идеологическим влиянием Великой Французской революции и планировали осуществление революционного переворота, рассчитывая заключить мир с белыми жителями сразу после признания ими своего освобождения [13].

Примечательно, что некоторые авторы на данном основании делают вывод, согласно которому Денмарк Визи сам вполне мог являться свидетелем, а возможно даже участником гаитянского восстания [12, р. 729; 14, р. 165–166]. Однако прямых подтверждений этому не существует. Согласно биографической справке интенданта Джеймса Гамильтона будущий лидер заговора действительно прожил на Сан-Доминго около полугода, пока в апреле 1782 не был возвращен капитану Джозефу Визи [12, р. 2]. Столь непродолжительный период проживания на острове и относительно юный возраст (14–15 лет) не позволяют говорить о том, что Денмарк мог быть глубоко вовлечен в происходившие там общественно-политические процессы, тем более что само восстание на Гаити начнется только в 1791 г.

Другим отличием заговора Денмарка Визи от несостоявшегося бунта рабов под предводительством Габриэля, названного «черным якобинцем» [15, р. 65], являлось отсутствие каких-либо отсылок к Великой Французской революции и идеям французского Просвещения. Несмотря на то, что большое количество участников заговора в Южной Каролине были франкоговорящими рабами – по большей части выходцами из Сан-Доминго – эта тема ни разу не возникала в материалах дела, при том, что сам Визи прекрасно владел французским, умел бегло читать и писать. Однако в отличие от Габриэля, называвшего французов «друзьями свободы» и на этом основании даже запретившего их уничтожение во время восстания [16, р. 109], Денмарк никогда не был галлофилом. Это объясняется в первую очередь произошедшими за 22 года изменениями в системе международных отношений. Последовавшая после термидорианского переворота реакция привела к разочарованию в идеалах Великой Французской революции, продажа Луизианы ослабила позиции страны в указанном регионе,

закрыв тем самым возможность играть сколько-либо существенную роль в американской политике, а восстановление рабства и военная экспедиция Шарля Леклерка на Гаити и вовсе сделали Францию крайне непопулярной среди аболиционистов и рабов, превратив французов из «друзей свободы» в ее «душителей». Кроме того, нормализация отношений между двумя странами после 1815 г. также способствовала ослаблению профранцузских настроений среди цветного населения. Иначе говоря, Францию перестали рассматривать в качестве альтернативы американскому правлению и местному общественно-политическому устройству. Тем не менее нельзя не отметить, что в рядах заговорщиков были те, кого идентифицировали как «французов», хотя, очевидно, имелись в виду франкоговорящие рабы [12, р. 303]. В ряде случаев речь даже шла о вооруженном «французском отряде» численностью от 100 [12, р. 281] до 300 чел. [12, р. 173], на который делалась основная ставка при атаке на Чарлстон.

Влияние Американской революции просматривается еще менее отчетливо. В отличие от заговора Габриэля в деле Визи нет прямых отсылок к событиям 1775–1883 гг., Декларации независимости и авторитету отцов-основателей, к чему, стоит отметить, в то время часто прибегали многие аболиционисты и рабы, добивавшиеся освобождения. Единственным исключением является загадочная фраза «Конгресс освободил нас» [12, р. 163], приписываемая Денмарку Визи со слов свидетелей, но ее значение до конца не понятно.

Так же, как и в случае с Французской революцией, данные изменения объясняются последовательным наступлением на права чернокожего населения и принятием мер по недопущению восстаний на Юге США и конкретно в Южной Каролине. К примеру, в 1805 г. принимается «Закон о наказании» за определенные преступления против штата Южная Каролина, предусматривающий распространение высшей меры на свободных граждан за участие в восстании [17, р. 15], в 1806 г. – закон, запрещающий рабам проживать за пределами дома своего хозяина без письменного разрешения, а также арендовать участки и дома, а 20 декабря 1820 г. – «Закон об ограничении освобождения рабов». Последний, стоит отметить, вызвал особо негативную реакцию в местных афроамериканских общинах, так как фактически закрыл возможность выкупа для многих невольников.

То же самое можно сказать и о знаменитых дебатах 1819 г. в Конгрессе по поводу статуса штата Миссури, которые завершились сложным политическим компромиссом 5 марта 1820 г. Рабовладение было распространено на данную территорию, несмотря на то, что это являлось прямым нарушением Постановления 1787 г., запрещавшего распространение

рабства северо-западнее р. Огайо. Визи, регулярно читавший газеты и находившийся в курсе политической повестки, просто не мог не знать о проходящих дебатах и достигнутом компромиссе. Ряд исследователей настаивают, на том, что Денмарк придавал этим событиям особое значение. Данная версия строится на рассказе судебных магистратов Лайонела Х. Кеннеди и Томаса Паркера, в котором говорится: «Количество подстрекательских брошюр о рабстве, привезенных в Чарлстон из некоторых наших родственных штатов за последние четыре года (и один раз из Сьерра-Леоне) и распределяемых среди цветного населения города (...); и выступления в Конгрессе тех, кто выступал против приема Миссури в Союз, возможно, искаженные, дали ему достаточно оснований для воспламенения умов цветного населения этого штата. Искжая некоторые части этих речей, или выбирая из них отдельные отрывки, он слишком многих убедил в том, что Конгресс фактически объявил их свободными, и что они содержались в рабстве вопреки законам страны» [12, р. 75].

Еще одним важным отличием событий 1822 г. от несостоявшегося восстания Габриэля является ключевая роль религиозного и этноконфессионального факторов в мотивации чарлстонских мятежников. Если в случае с Вирджинским заговором 1800 г. социокультурные предпосылки имели второстепенное значение, то в Чарлстоне оно было определяющим. Достаточно отметить, что ядро заговора составляли прихожане Африканской методистской епископальной церкви, а сам Визи, несмотря на отсутствие рукоположения, был известен среди местной негритянской общины как проповедник.

Участник заговора Джесси Блэквуд утверждал, что в своих речах Визи апеллировал к закрытию церкви в качестве главного побудительного мотива: «Он сказал, что белые люди лишили нас наших прав и привилегий, и что наша церковь закрыта, чтобы мы не могли ею пользоваться, и что нам давно пора добиваться своих прав, и что мы вполне способны победить белых, если будем такими же единомышленными и мужественными, как жители Сан-Доминго» [12, р. 178].

Вообще в материалах дела Денмарк Визи характеризуется как человек крайне набожный и при этом прекрасно знающий Священное Писание. Нет никаких прямых свидетельств, но серьезная вовлеченность значительной части заговорщиков в происходящие общественно-религиозные процессы в своем городе допускается почти всеми исследователями. Данные предположения строятся на сложной истории утверждения Африканской методистской церкви в Чарлстоне и Южной Каролине.

Доподлинно неизвестно, когда именно Визи присоединился к методистской общине. Однако

подавляющее большинство исследователей считают, что произошло это после 12 апреля 1817 г. Именно в тот день согласно сохранившимся записям Денмарк и еще двое свободных негров были впервые допущены к причастию Второй пресвитерианской церкви [12, р. 25]. Данный факт может указывать на то, что изначально он принадлежал к этой общине, а затем уже перешел в методистскую церковь, хотя некоторые авторы допускают и одновременную принадлежность Денмарк сразу к двум указанным конфессиям.

Мотивы перехода очевидны. Методистская церковь пользовалась особой популярностью у рабов Чарлстона, составлявших большую часть паствы. Однако в начале 1817 г. община раскололась. Глубинной причиной, по всей видимости, стал сознательный отход от активной аболиционистской и эгалитаристской риторики, который начался еще в 1785 г. с принятием соответствующей резолюции [16, р. 27]. Инициаторами раскола в Южной Каролине выступили свободный мулат по имени Моррис Браун и бывший раб Генри Дрейтон, отправившиеся еще в 1816 г. в Филадельфию для встречи с первым епископом и основателем Африканской методистской церкви Ричардом Алленом. Последний рукоположил их в сан священников. Вернувшись в Чарлстон в начале 1817 г., Браун и Дрейтон основали там новую методистскую церковь, которая располагалась на Энсон-стрит, а затем появилась вторая – на Коу-Эллей, в «черном» районе Хэмпstead. Собственно, она-то и стала площадкой для радикальных аболиционистских проповедей. Сразу после обособления в объединенной церкви начался массовый отток чернокожих прихожан, усилившийся после решения о строительстве усыпальниц на месте старого негритянского кладбища. Согласно сохранившейся записи одновременно общину покинули 4376 рабов и свободных негров [2, р. 124]. Исход был настолько ощутим, что в 1830 г. местный рабовладелец, являвшийся епископом методистской церкви, Джеймс Осгуд Эндрю писал: «В галереях, некогда переполненных вежливыми и набожными слушателями, теперь находилось лишь несколько человек; и вместо полного хора счастливых голосов, воспевавших хвалу Господу, проповедник был вынужден засвидетельствовать лишь молчаливое и скорбное одиночество» [16, р. 34].

Разумеется, все это не могло не вызвать ответной реакции со стороны белых прихожан и местного духовенства. Так, 8 ноября 1817 г. методистский священник Соломон Брайан написал письмо в городской совет Чарлстона, в котором выразил серьезную обеспокоенность массовым выходом «цветных» из его церкви [12, р. 178]. Жалобы на новые общины следовали одна за другой. И вскоре власти перешли к активным действиям. 3 декабря 1817 г. городская стража совершила налет на африканскую церковь, арестовав 469 чернокожих прихожан по обвинению

в хулиганстве [6, р. 58]. 7 июня 1818 г. ситуация повторилась. На сей раз задержанию были подвергнуты «143 человека африканского происхождения» [6, р. 59]. 13 священнослужителей, включая епископа Морриса Брауна, получили обвинительные приговоры. Брауну, в частности, было предложено навсегда покинуть штат или отправиться в тюремное заключение сроком на месяц. Историк Дэвид Робертсон полагает, что среди осужденных находился и сам Денмарк Визи, хотя никаких документальных подтверждений этому не сохранилось [6, р. 58]. Тем не менее большинство исследователей настаивают на том, что именно указанный эпизод послужил последней каплей, переполнившей чашу терпения будущего организатора заговора и ряда его ближайших сподвижников, таких как Мондэй Гелл и Питер Пойас, и направившей их на путь подготовки вооруженного выступления. Примерно тогда Визи начал читать проповеди у себя дома на Булл-стрит и на прочих негритянских собраниях. Историк Дуглас Эгертон предполагает, что одним из слушателей Визи вполне мог являться автор знаменитого памфлета Дэвид Уокер [18; 2, р. 130–131].

Нападки на Африканскую церковь продолжались и в дальнейшем. Так, 16 октября 1820 г. свыше 140 белых граждан обратились в Палату представителей Южной Каролины с петицией о запрете «черной церкви Чарлстона» [12, р. XXXI].

Что касается традиционных африканских верований, то они, по всей видимости, также имели определенное влияние и рассматривались как дополнительный фактор мотивации. Примером служит фигура раба корабельного плотника Пола Причарда – «Гуллы» Джека, ключевого участника заговора ангольского происхождения, прибывшего с восточного побережья Африки (порт Зингебар) в апреле 1806 г. Работарговец Софония Кингсли впоследствии отмечал, что Джек был колдуном, который пронес на корабль инструменты для магических ритуалов [12, р. 17]. В Южной Каролине он продолжал свои оккультные практики, чем снискал себе среди рабов славу неуязвимого колдуна [12, р. 76]. По мнению ряда исследователей, за счет своего авторитета среди приверженцев традиционных африканских верований Джек играл важнейшую роль в организации заговора, сумев объединить вокруг себя многих выходцев с Черного континента. В материалах дела сохранились упоминания о страхе, который испытывали рабы перед его колдовскими чарами [12, р. 199]. Впрочем, несмотря на это, нужно понимать, что связь евангелистской теологии с традиционными африканскими верованиями весьма характерна для негритянской общины того времени, воспринимавшей сюжеты Библии в свете традиционной религии. Доказательством этому служит тот факт, что Джек

Причард и сам был в числе прихожан Африканской методистской церкви на Коу-Эллей.

Большинство участников восстания относились к так называемым городским наемным рабам. Д. Эгертон в своем исследовании делает на этом особый акцент: «Визи предпочитал таких людей, как Мондэй Гелл, рабов, которые получали от своих хозяев возможность самостоятельного найма, и тем самым достигали уровня психологической и экономической автономии. Вообще список тех, кто позже был заключен в тюрьму, читался как справочник чернокожих ремесленников города: извозчиков, плотников, поваров, грузчиков, гончаров, каменотесов и механиков» [2, р. 151]. Последнее, по мнению американского исследователя, является принципиально важным отличием и свидетельством разрушения патриархальной системы управления и постепенного перехода к более мягкому патернализму.

Атмосфера торгового города сама по себе затрудняла традиционную эксплуатацию рабов, которая выглядела финансово невыгодной в свете иной структуры производственных отношений. Несмотря на то, что Чарлстон оставался крупнейшим импортером «живого товара» в США, он все же рассматривался большинством работоторговцев всего лишь как перевалочный пункт для его последующей перепродажи на плантации в сельских районах. При этом, конечно, значительное количество чернокожего населения оседало в городе, превратив «столицу американского рабства» в один из самых «черных» городов на Юге США. Увеличение количества городских невольников усиливало и экономическую конкуренцию, заставляя местных ремесленников и предпринимателей адаптироваться к новым условиям и прибегать к активному использованию наемной силы из числа рабов.

В этой связи многие хозяева оказались заинтересованы в обучении своих невольников и предоставлении им возможности получения более высокой квалификации, так как это автоматически повышало их рыночную стоимость и позволяло увеличивать свой доход за счет сдачи таких невольников в аренду. Последнее приводило к переизбытку рабочей силы и создавало существенные трудности для свободных негров. История Денмарка Визи в данном отношении весьма показательна. Грамотный полиглот, побывавший во многих странах, имевший огромный опыт в торговле, являвшийся доверенным лицом своего господина, и, очевидно, приносивший ему солидный доход, после освобождения был вынужден перейти на более низкоквалифицированную работу плотником.

Занять достойное их квалификации место свободным чернокожим, как правило, мешали расовые предрассудки и законодательные ограничения. Например, для ведения предпринимательской деятельности свободным неграм

требовалась специальная лицензия, а ежедневный заработок был ограничен Городским советом суммой в 1 доллар. Кроме того, все свободные негры и мулаты должны были платить специальный налог [2, р. 101–102]. Столкнувшись с откровенной дискриминацией, Визи не мог не сделать соответствующих выводов. То же самое можно сказать и о его ближайших сподвижниках – Питере Пойасе, Мондэе Гелле, Ролле и Неде Беннетах, социальное положение которых было еще ниже, несмотря на то, что во всех случаях речь идет о высококвалифицированных рабочих. Братья Беннетты, к примеру, являлись личными рабами и доверенными лицами самого губернатора [2, р. 145].

Экономика Южной Каролины базировалась на добыче коротковолокнистого хлопка, который был главной статьей экспорта. Этим обстоятельством обуславливалась зависимость местных плантационных хозяйств от колебаний цен на данный товар на внешнем рынке. После того как в 1794 г. Эли Уитни изобрел хлопкоочистительную машину, цена на этот экспортный товар неумолимо росла, что привело к расширению плантационных угодий и увеличению спроса на рабов. С целью удовлетворения последнего в 1803 г. властями штата даже был снят временный запрет на Трансатлантическую работорговлю, действовавший с 1787 г. Это привело к увеличению потока «живого товара». Ежегодно через Чарлстон проходило порядка 10 тыс. рабов [2, р. 58]. Это продолжалось до 1807 г., когда Трансатлантическая работорговля была запрещена на федеральном уровне. Впрочем, количество рабов продолжало увеличиваться уже за счет естественного прироста.

В 1818 г. цены на хлопок достигли пика – 35 центов за фунт [6, р. 70], после чего стали снижаться из-за расширения сельхозугодий в Алабаме и Миссисипи, что привело к усилению эксплуатации и спешному избавлению от лишней рабочей силы. Разумеется, это также способствовало и росту недовольства со стороны рабов. Примечательным фактом является то, что, несмотря на снижение цен в мире, производство хлопка в регионе продолжало расти [6, р. 70]. Этот парадоксальный эффект как раз и объясняется усилением эксплуатации.

Другим важным моментом стало распространение практики найма и самонайма невольников, за счет которой рабовладельцы пытались восполнить финансовые потери. Чарлстон в этом отношении выделялся среди американских городов. Если в других городах составляло около 6%, то в столице Южной Каролины – 31% [6, р. 69]. Большинство чарлстонских плотников прибегали к такому найму. Это позволяло последним получать определенный денежный доход и одновременно создавало условия для развития теневой экономики.

Именно в городских рабах Визи видел основную социальную базу готовящегося восстания. Будучи сам свободным, он, по всей видимости, не доверял этой группе населения. Исключение составили Сэби Гайллард, Принс Грэм, Куош Харлестон, Сэмюэл Гайффорд и Роберт Хадден, впоследствии также представшие перед судом, но, очевидно, игравшие в заговоре второстепенную роль. Последние два были оправданы, остальные – выдворены за пределы США. Столь незначительное количество свободных негров в числе арестованных, а всего по делу проходил 131 чел. [12, р. 775], говорит о том, что Визи и его соратники планировали опереться именно на массы рабов. Об этом также свидетельствует и выбор конечной цели – побег на Гаити, который едва ли мог заинтересовать свободных негров и мулатов. В отличие от своего предшественника Габриэля Визи и его «лейтенанты», по всей видимости, не делали ставку на пробуждение чувства некоей классовой или этнической солидарности. Ограниченность цели предполагает, что спастись должны были лишь активные участники заговора.

Демографический фактор также принципиально важен в рассмотрении причин и предпосылок указанного явления. Опережающий рост численности чернокожего населения, несомненно, учитывался Визи и его соратниками при планировании захвата города и использовался в качестве аргумента в пользу успеха восстания. К примеру, согласно свидетельским показаниям Питер Пойас в ответ на опасения участника заговора о неизбежном подходе к белым подкреплениям из других районов и Вирджинии отвечал: «Чернокожих соберется так много со всей страны, что нам не нужно бояться белых из других ее частей. Потому что, когда мы захватим город, то сможем не пускать их всех» [12, р. 171–172]. Любопытно, что именно Питера Пойаса в показаниях называют хранителем списка из 9 тыс. имен участников заговора [12, р. 211], который так и не был найден. Данная цифра ставится под сомнение всеми исследователями, тем не менее именно такое количество указано в официальном отчете [12, р. 173].

Еще одним важным моментом, демонстрирующим осознание участниками заговора своего количественного превосходства, являются их опасения по поводу того, что белые прекрасно понимают опасность и не упустят возможность «проредить» местное чернокожее население. Согласно свидетельским показаниям Питер Пойас заявлял: «Разве не слышали, что 4 июля белые поднимут ложную пожарную тревогу, и всех черных, которые выйдут на улицу, убьют, чтобы их проредить?» [12, р. 172]. Вне зависимости от того, верил ли сам Пойас в эти слухи или нет, данное свидетельство демонстрирует то, что рабы не только осознавали свое численное превосходство, но и вызываемый данным фактом

страх белого меньшинства. А последний действительно присутствовал. Власти города и штата в частности предпринимали постоянные попытки ограничить рост цветного населения. Многие законы были откровенно направлены на выдавливание свободных афроамериканцев, а одним из самых распространенных наказаний стала высылка за пределы штата без права на возвращение. Однако переломить общую тенденцию данные меры не могли, так как источником роста чернокожего населения являлись именно рабы. Динамика увеличения его численности выглядела следующим образом: согласно первой переписи 1790 г. в Южной Каролине насчитывалось 107094 раба и 140178 белых, в 1800 г. – 146151 раб и 196255 белых, в 1820 г. – 258475 рабов и 237440 белых [19]. Значительная часть черных невольников приходилось на Чарлстон. По данным первой переписи 1790 г., в указанном округе проживали 51585 черных рабов и 15402 белых, по данным 1800 г. – 63615 рабов и 18768 белых [6, р. 42]. Непосредственно в г. Чарлстон накануне восстания находились 13054 раба, 10653 белых и 623 свободных негров и мулатов [2, р. 141–142].

Итак, демографическая ситуация вполне позволяла Визи и его сподвижникам рассчитывать на поддержку значительной части населения. Вот как описывает демографическую ситуацию, сложившуюся к 1822 г., Д. Робертсон: «Чернокожие приближались к своей наибольшей численности в округе, в то время как белые становились все более неспособными в финансовом отношении прокормить или предоставить жилье своему рабскому населению. Таким образом, время для нового восстания черных было особенно благоприятным» [6, р. 61].

Что касается свободных цветных, то их процент также увеличивался, но оставался незначительным. В 1790 г. в Южной Каролине проживал 1801 свободный негр, что составляло 0,7% от общего количества населения штата, в 1820 г. – 6826, что составляло – 1,4% от общей численности населения. В округе Чарлстон процент был выше: в 1790 г. 586 свободных цветных составляли 3,6% от общей численности населения города, в 1820 г. 1475 свободных цветных – около 6%. Разумеется, будучи свободным негром, Визи не мог опереться на эту категорию, тем более что большинство из них были натурализованы, ассимилированы, а главное – социально разобщены, некоторые и вовсе являлись рабовладельцами. Но самое главное – идея покинуть Соединенные Штаты и отправиться на Гаити едва ли могла привлечь их внимание.

Важное отличие от демографической ситуации накануне Вирджинского восстания 1800 г. заключалось в том, что в Чарлстоне фиксировался более высокий процент рабов африканского происхождения. Это было связано со снятием вышеупомянутого запрета на Трансатлантическую

работорговлю в период с 1787 по 1807 г., когда доля уроженцев Черного континента вновь выросла до 20% [2, р. 58]. Подобные изменения свидетельствуют о том, что процесс креолизации среди рабов в Чарлстоне не был столь глубок, как в Вирджинии. Многим удалось сохранить свою африканскую идентичность. Визи, несомненно, учитывал этнический фактор, выделив из числа своих ближайших сподвижников представителя племени игбо Мондэя Гелла, ангольца Джека Причарда и 26-летнего мандинго Минго Харта [2, р. 145–146], которые занимались вербовкой. Целью, очевидно, являлось привлечение как можно большего количества сторонников из числа коренных африканцев, так как многие из них еще не успели ассимилироваться и мечтали о возвращении на родину или о свободной жизни за пределами США.

Самым сложной для анализа является проблема определения личных мотивов участников заговора 1822 г. Этим вопросом задавались еще члены Коллегии адвокатов Чарлстона и председательствующие судебные магистраты Лайонел Х. Кеннеди и Томас Паркер, опубликовавшие в октябре 1822 г. «Рассказ о предполагаемом восстании рабов». Помимо всего прочего, там сообщалось: «Трудно понять, по какому мотиву он ввязался в этот заговор (если только это не тот мотив, о котором упоминал один из свидетелей, рассказавший, что у Визи было несколько детей-рабов, и что он сказал однажды, что желал бы видеть их свободными) (...). Ролла был доверенным лицом своего хозяина; настолько, что, когда общественные обязанности требовали его отсутствия в семье, они оставались под защитой этого раба; и тем не менее этот самый человек взялся возглавить группу, первым делом которой должно было стать убийство того самого хозяина, так доверявшего ему и относившегося с большой добротой. Нед также являлся доверенным слугой, и его поведение в целом было похвальным. Питер был очень ценным рабом и, судя по всему, первоклассным корабельным плотником. Он пользовался доверием своего хозяина в значительной степени, и с ним обращались со снисхождением, щедростью и добротой. Мондэй наслаждался всеми существенными удобствами свободного человека; (ему) очень потворствовал и доверял его хозяин; его время и большая часть прибыли от его труда находились в его собственном распоряжении. Он даже хранил оружие своего хозяина, а иногда и его деньги» [12, р. 85].

Действительно, в материалах дела крайне сложно найти какую-либо информацию о личных мотивах заговорщиков. К примеру, упоминание Мондэя Гелла о детях Визи как основной причине организации заговора не выдерживает критики. У Денмарка Визи действительно было 7 сыновей, двое из которых – Сэнди и Полидор – принимали участие в заговоре. Сэнди позже

предстал перед судом и был приговорен к казни, которую заменили высылкой за пределы США [12, р. 219]. Полидор по крайне сомнительному свидетельству Бахуса Хеммета тоже мог участвовать в заговоре [12, р. 302], но в материалах дела его имя не значилось. Остальные же не могли принимать активного участия в силу малолетнего возраста. В этой связи остается совершенно неясным, почему Визи прибег к столь радикальному способу освобождения своей семьи и не попытался их выкупить или, что было проще всего, организовать побег на Север, тем более что деньги у него имелись, так как после выплаты Джозефу Визи в конце 1799 г. суммы в 600 долл. у Денмарка еще оставалось 900 долл. Также совершенно неясно, как организатор заговора планировал вывести свою большую семью на Гаити.

Мотивы личной мести хозяину также не просматриваются, так как само планируемое восстание должно было произойти уже спустя 22 года после освобождения. К тому же не стоит забывать, что будущий лидер мятежа даже взял фамилию своего «массы». Этот факт, вероятно, свидетельствует об их теплых и доверительных отношениях. То же самое можно сказать и о других ключевых участниках заговора. При этом, конечно же, нужно понимать, что судьи едва ли были заинтересованы выставлять напоказ внутренние конфликты и обнародовать факты проявления жестокости рабовладельцев по отношению к своим невольникам, а последние едва ли могли рассчитывать на снисхождение суда на подобном основании.

Очевидным мотивом являлась жажда наживы. В материалах судебного дела содержится немало упоминаний о том, что восставшие планировали разграбить город.

Еще одним мотивом присоединения к заговору мог стать страх перед собратьями. Раб Джордж Вандерхерст заявлял, что очень боялся Гуллы Джека как колдуна, и даже просил суд выслать его из города из-за опасений за собственную жизнь [12, р. 194]. Другим мотивом был страх мести в загробной жизни, намеки на который также присутствуют в материалах дела. Тем не менее доверять подобным заявлениям вряд ли стоит, так как для многих рабов это могло быть обычным способом ухода от ответственности.

Таким образом, если опираться на представленные материалы дела, можно прийти к однозначному выводу, согласно которому наибольшее влияние на участников мятежа оказала Гаитянская революция, во многом воспринимавшаяся как некий эталон успешного восстания рабов, сценарий которого планировалось воплотить в жизнь в Чарлстоне, а сам остров рассматривался как надежное убежище. При этом в отличие от вирджинских событий 1800 и 1802 гг. Визи и его сподвижники не преследовали целью изменение социально-политического уклада на Юге

США, а планировали покинуть пределы данной страны.

Вторыми по значимости можно назвать социокультурные причины. Этноконфессиональный фактор имел решающее значение в мотивации участников заговора. Обособление Африканской методистской епископальной церкви в Чарлстоне, репрессии властей и невозможность защитить свою общину послужили одним из основных триггеров радикализации части местного негритянского населения, толкнувшего фигурантов дела на путь подготовки восстания. Кроме того, методистские собрания давали прекрасную возможность для коммуникации, вербовки и распространения аболиционистских идей.

Социально-экономические причины в первую очередь выражаются в изменении характера производственных отношений, выделении и укреплении отдельного социального слоя городских наемных рабов, многие из которых являлись грамотными и квалифицированными рабочими, а главное – пользовались существенной автономией и свободой передвижения. Собственно, именно эти люди составили ядро заговора и выступили в качестве его главной движущей силы. При этом нужно понимать, что опереться они планировали на широкие массы сельских рабов.

Демографический фактор также имел важное, хотя и не решающее значение, как считают некоторые исследователи. Визи и его соратники, несомненно, осознавали свое численное превосходство над белыми, однако конечная цель мятежа свидетельствует о том, что массовое восстание на всем Юге или же создание из Чарлстона долговременного центра сопротивления не входило в их планы. Фактически шанс на спасение предоставлялся лишь непосредственным участникам заговора.

Сложнее всего было выявить личные мотивы. Содержащиеся в материалах дела разрозненные сведения не дают оснований для однозначных выводов по данному вопросу, так как являются по большей части интерпретацией и могут восприниматься как попытки некоторых рабов уйти от уголовной ответственности.

В итоге можно прийти к выводу о том, что в случае с заговором Денмарка Визи речь идет не о классическом восстании рабов, а скорее о попытке организации массового побега. В этом, пожалуй, и заключается ее основное отличие от знаменитых Вирджинских восстаний 1800, 1802 и 1831 гг. [20]. В остальном можно наблюдать все тот же комплекс причин и предпосылок, свидетельствующий о складывании социально взрывоопасной ситуации в Южной Каролине, которая способствовала поиску новых форм организованного сопротивления рабов.

Примечания и комментарии

¹ Вирджинский заговор 1800 г. под руководством Габриэля является вторым по значимости и первым по масштабу явлением такого рода в американской истории. По имеющимся данным в него было вовлечено до 10 тыс. рабов. Поэтому в дальнейшем автор будет использовать его в качестве основного примера для сравнения с заговором 1822 г.

Список литературы

1. Row Over Statue to Bermudian's Slave, January 3, 2011. URL: <http://bernews.com/2011/01/row-over-statue-to-bermudians-slave/> (дата обращения: 01.08.2020).
2. Egerton D. R. He Shall Go Out Free: The Lives of Denmark Vesey. 2nd ed. Lanham : Rowman and Littlefield, 2004. 286 p.
3. Paquette R. L. From Rebellion to Revisionism: The Continuing Debate About the Denmark Vesey Affair // Journal of the Historical Society. 2004. № IV. P. 291–334.
4. Higginson T. W. Denmark Vesey // Atlantic Monthly. 1861. № VII. URL: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/1861/06/denmark-vesey/396239/> (дата обращения: 01.08.2020).
5. Lofton J. Insurrection in South Carolina: The Turbulent World of Denmark Vesey. Yellow Springs, Ohio : The Antioch Press, 1964 (Reissued 1983 as Denmark Vesey's Revolt. Kent, Ohio : Kent State University Press. 294 p.)
6. Robertson D. Denmark Vesey: The Buried History of America's Largest Slave Rebellion and the Man Who Led It. New York : Knopf, 1999. 234 p.
7. A Designs against Charleston: The Trial Record of the Denmark Vesey Slave Conspiracy of 1822 / ed. by E. Pearson. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1999. 414 p.
8. Wade R. C. The Vesey Plot: A Reconsideration // Journal of Southern History. 1964. Vol. 30, № 2. P. 143–161.
9. Johnson M. P. Denmark Vesey and His Co-Conspirators // William and Mary Quarterly. 2001. № 58 (4). P. 915–976.
10. Ford L. An Interpretation of the Denmark Vesey Insurrection Scare // The Proceedings of the South Carolina Historical Association. 2012. P. 7–22.
11. Spady J. O. Power and Confession: On the Credibility of the Earliest Reports of the Denmark Vesey Slave Conspiracy // William and Mary Quarterly. 3rd. ser. 2011. № 68. P. 287–304.
12. The Denmark Vesey Affair: A Documentary History / ed. by D. R. Egerton, R. L. Paquette. Gainesville: University Press of Florida, 2017. 859 p.
13. Testimony in the Trial of Gabriel (October 6, 1800). URL: <https://encyclopediavirginia.org/entries/testimony-in-the-trial-of-gabriel-october-6-1800/> (дата обращения: 01.08.2020).
14. Morgan P. D. Conspiracy Scares // William and Mary Quarterly. 2002. № 59. P. 165–166.
15. Egerton D. R. Gabriel's Rebellion: The Virginia Slave Conspiracies of 1800 and 1802. Chapel Hill : University of North Carolina Press, 1993. 281 p.
16. Raboteau A. J. African-American Religion. New York : Oxford University Press. 1999. 142 p.

17. *Schipper J.* Denmark Vesey's Bible: The Thwarted Revolt That Put Slavery and Scripture on Trial. Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2022. 175 p.
18. Walker's Appeal, with a Brief Sketch of His Life, by David Walker and Henry Highland Garnet, 1848. URL: <https://www.gutenberg.org/files/16516/16516-h/16516-h.htm> (дата обращения: 01.08.2020).
19. *Trinkley M.* South Carolina – African-Americans – Slave Population. URL: <https://www.sciway.net/afam/slavery/population.html> (дата обращения: 01.08.2020).
20. *Шумаков А. А.* Причины и предпосылки восстания Ната Тернера в американской историографии // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2 (52). С. 154–163.

Поступила в редакцию 01.08.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 10.11.2022
The article was submitted 01.08.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 10.11.2022